

Токмашев Д. М., Федотова Н. Л.

О СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕЛЕУТСКОГО ЯЗЫКА ПО ДАННЫМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2013–2014 ГОДОВ

Характеризуется современное состояние телеутского языка – одного из миноритарных тюркских языков Сибири. Анализируется место телеутского языка в существующих классификациях тюркских языков. На основе экспедиционных материалов, собранных авторами в 2013–2014 гг., сделаны выводы о степени сохранности телеутского языка в разных возрастных группах и об основных сферах его употребления. Отмечается значительное влияние русского языка, выраженное в большом количестве освоенных заимствований, вытеснивших исконную лексику, и нарушении синтаксических норм телеутского языка.

Ключевые слова: телеутский язык, тюркские языки Сибири, идиом, языковой кластер, межъязыковое взаимодействие, заимствование, проблема «язык или диалект».

В 2013 г. стартовал проект по документации и исследованию исчезающего телеутского языка (в других классификациях – телеутского диалекта алтайского языка), носители которого проживают сегодня в основном на территории Кемеровской области в Беловском и Новокузнецком районах (дер. Беково, с. Челухоево, дер. Верховская, пос. Шанда, пос. Телеуты, г. Новокузнецк и др.). Данный проект осуществляется в Национальном исследовательском Томском политехническом университете под руководством Ph.D., канд. филол. наук, доц. А. Ю. Фильченко при поддержке фонда SOAS ELPD как малый грант «Документация и анализ исчезающего телеутского языка, юго-западная часть Сибири, Кемеровская область, Россия» (SG 0277) (<http://www.hrhelp.org/grants/projects/index.php?projid=409>).

В ходе проекта удалось записать носителей телеутского языка, проживающих в г. Новокузнецке, дер. Беково, Верховская, в с. Челухоево и пос. Шанда. Исследователи ставили своей целью синхронную документацию телеутской речи на данном этапе ее существования с широким охватом речевых жанров и возрастных категорий носителей языка для дальнейшего морфологического анализа записанных текстов с помощью специальных программ (ELAN, Fieldworks). Были записаны тексты-инструкции (как приготовить национальное блюдо, как прясть пряжу, как вязать носки, плести и пр.), фольклорные тексты (сказки, песни, поговорки, стихи собственного сочинения), бытовые диалоги (после бани, что взять в погреб), описание своей биографии, последние новости в селе (например о землетрясении), воспоминания (во что дети раньше играли, как раньше жили на селе) и т. д. В результате планируется создание аннотированного корпуса текстов, отражающего состояние языка в данном временном срезе, с сопутствующим лексиконом телеутского языка. Всего записано 46 носителей языка (1924–2003 г. р.), из них 12 школьников (1998–2003 г. р.).

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что нередко нарушается и даже прерывается связь поколений. Тенденции развития современного общества вытесняют традиционный уклад жизни малочисленного телеутского этноса, включая общение на телеутском языке. Доступных записей телеутской речи очень немного. Сегодня в открытом доступе существует только один электронный корпус текстов на телеутском языке, выполненный сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН в рамках проекта «Развитие и пополнение электронного корпуса текстов на языках малочисленных народов Сибири» <http://corpora.iea.ras.ru/corpora>. Данный корпус содержит в основном фольклорные тексты на телеутском языке, записанные в экспедициях 1980-х гг. Настоящее исследование ставит своей задачей пополнить существующий корпус текстов современными видео- и аудиоматериалами, а также расширить его жанровое разнообразие.

Актуальным на сегодня также представляется изучение особенностей территориального коммуникативного пространства малочисленных сообществ как самобытных ментальных общностей. Анализ записанных в экспедициях материалов позволит глубже изучить особенности «миноритарных дискурсивных практик» (Бабенко, Орлова, 2013: 77) ареала проживания бачатских телеутов.

Изучаемый ареал представляет собой группу поселений, относительно изолированных от остальных поселений, где проживают носители алтайского языка и его диалектов. Если обратиться к истории появления телеутов на территории современной Кемеровской области, то на рубеже XVI и XVII вв. начали завязываться дипломатические контакты между воеводами Томска и телеутскими князьями, в результате которых телеутский князь Абак в 1609 г. принял подданство русскому царю (Уманский, 1980: 10). Телеуты начали основывать поселения на территории современной Кемеровской области. Так образовалась группа телеутских деревень, окруженная русскоязычным населением. Телеуты-старика

называют себя татарами, теленгитами. Мало кто из них точно знает, откуда пришли телеуты. Говорят, что, скорее всего, они – потомки Чингисхана. Данное явление представляет собой интерес для дальнейших научных исследований.

Телеутские поселения на территории современного Новокузнецкого, Гурьевского и Беловского районов Кемеровской области до сих пор носят отпечаток прежнего уклада жизни. Это выражается в том, что, например, многие женщины старшего поколения в повседневной жизни носят традиционные платья, платки и верхнюю одежду. До сих пор есть спрос на традиционные телеутские пояса «кур», а техника их плетения передается по наследству. Телеуты продолжают разводить коней, употребляют конину и готовят из нее традиционные блюда (тутмаш, пелмендер и пр.).

Экспедиции 2013–2014 гг. показали, что сохранность телеутского языка находится под угрозой. Несмотря на то, что предпринимаются меры по возрождению языка (построен специальный детский сад для телеутских детей, в школе идет преподавание телеутского языка, создан историко-этнографический музей Чолкой (<http://cholkoj.ru/index.php?page=3#rus>), а также ансамбль «Солоны», передача языка и культуры от поколения к поколению безвозвратно утрачивается.

На телеутском языке в основном между собой говорят женщины и мужчины поколения 1950-х гг. и старше. Женщины 1920–30-х гг. хорошо помнят исконные телеутские песни. Поколение 1960–70-х гг. понимают родной язык, но в быту не используют. Продуктивными речевыми жанрами до сих пор остаются стихотворения, песни на родном языке, а также жанр так называемых благопожеланий – *алкыш сӧс*. Это обусловлено тем, что, когда телеуты собираются всей деревней на застолье, принято говорить речи, пожелания, а также петь песни именно на родном языке. Дети школьного возраста 1998–2003 гг. со взрослыми и между собой по-телеутски почти не говорят, но изучают его в школе с. Беково в форме стихов, песен, сценариев выступлений, рассказов о себе, о семье и т. д. по некоторому шаблону, т. е. по методике иностранного языка.

Фольклорный жанр почти ушел в прошлое. Национальные сказки смогли вспомнить только несколько женщин, а про телеутского национального героя Мырата рассказали лишь двое.

Статус телеутского языка как независимого компонента сибирского тюркоязычного ареала остается дискуссионным. В «Красной книге языков народов России» он определяется как «язык телеутов» (Насилов, 2002: 177). Наибольшее сходство бачатско-телеутский язык обнаруживает с диалектами южных алтайцев – алтай-кижи и теленгитов, хотя ряд фонетических и лексико-грамматических особенностей языка бачатских телеутов (сближающих его с уйгуро-огузскими языками Южной Сибири) позволяет ставить вопрос о рассмотрении его как самостоятельного (Фисакова, 1979: 237).

Телеутский можно считать первым письменным диалектом алтайского языка после опубликования на нем в 1869 г. в Казани «Грамматики алтайского языка», составленной членами Алтайской духовной миссии. С 1923 г. основой алтайского литературного языка стал диалект алтай-кижи (из-за отличий в морфологии и лексике телеутского языка от собственно алтайского), а язык телеутов, проживающих в Кемеровской области, до недавнего времени оставался бесписьменным и употреблялся в быту. Графика и орфография ряда публикаций по языку и фольклору бачатских телеутов последних десятилетий не унифицирована, и принципы ее варьируются от издания к изданию.

Термин «бачатские телеуты» является в известной мере аллоэтнонимом, поскольку самоназвание бачатских телеутов – *тадар кижилер*, *тадарлар* ‘татарские люди, татары’, реже – *тӓлӓӓӓт кижилер*, *тӓлӓӓӓттер* ‘люди из рода теленгет~теленгит, телеуты’, *пайат кижилер*, *пайаттар* ‘люди, проживающие на р. Бачат, бачатцы’. Древний этноним «татар» применялся в Российской империи ко многим тюркоязычным народам, из которых хакасы, чувлымские тюрки, шорцы и телеуты сохранили его в бытовом самоназвании *тадар кижилер*.

В данной статье используется термин «телеутский язык». Несмотря на генетическую связь телеутского языка с южно-алтайскими диалектами, которые в своей совокупности образуют общенациональный литературный алтайский язык, телеутский имеет четко определенную, не граничащую с алтайским, территорию распространения, этносоциолингвистическую общность, отдельное самоназвание и письменность с отличной от алтайского языка графикой и орфографией. Это позволяет ставить вопрос о существовании языкового кластера, состоящего из алтайского и телеутского языков аналогично хакасскому и чувлымско-тюркскому, при этом последний фигурирует в тюркологической литературе на правах самостоятельного языка.

Классификация тюркских языков в силу их большой древности и огромного ареала распространения традиционно является поводом для дискуссий. В наиболее распространенных классификациях, построенных как по ареальным, так и генетическим и типологическим признакам, телеутский устойчиво и предсказуемо относится к той же группе, что и южно-алтайский. К киргизско-кыпчакской группе

восточно-хуннской ветви тюркских языков вместе с другими южными диалектами алтайского языка его относит Н. А. Баскаков (Баскаков, 1952).

В классификации тюркских языков Сибири А. М. Щербака, одним из критериев которой выступает фонетический облик слов ‘нога’, ‘гора’, ‘рот’, ‘мальчик, сын’ и ‘щека’, алтайский язык представлен двумя группами диалектов – южной (кыпчакская группа) и северной (смешанная группа) (Щербак, 1994). Интересно, что приведенные для южной группы произношения слов *оос* ‘рот’ и *даак* ‘щека’ фонетически не полностью соответствуют телеутским *уус* ‘рот’ и *жаак* ‘щека’, но прочие разграничительные признаки полностью совпадают, поэтому, по классификации А. М. Щербака, телеутский следует относить к кыпчакской группе. В классификации Л. Йохансона телеутский на правах диалекта относится к гетерогенной южно-сибирской группе *Altay Turkic* северо-восточной ветви тюркских языков (Johanson, 1998).

Напротив, О. А. Мудрак по глоттохронологическим критериям считает сибирско-тюркские языки однородным образованием, состоящим из 12 языков, распадающихся на 3 подгруппы, третью из которых составляют кумандинский, чалканский, алтайский, тубаларский и киргизский языки (Байыр-оол и др., 2013: 5). Гипотетически в эту подгруппу должен входить и телеутский язык, поскольку имеющиеся алтайско-телеутские словарные расхождения не относятся к ядерной лексике, а фонетико-морфологические параметры этих языков очень близки (об алтайско-телеутских лексических параллелях см. также: Токмашев, 2008). В качестве одного из регулярных морфологических несоответствий можно отметить глагольный формант 1-го л. мн. ч. *-*к/-*қ* в телеутском и *-с** – в алтайском: тел. *пар-ар-ық* ~ алт. *бар-ар-ыс* ‘пойдем (мы)’; тел. *көр-ја-қ* ~ алт. *көр-ө-д-ис* ‘смотрим (мы)’.

Будучи изолированным от основного массива южноалтайских диалектов, телеутский испытал и продолжает испытывать большое влияние русского языка, что привело к вытеснению целого пласта исконной лексики (в первую очередь служебных слов – союзов, послелогов, частиц и замене их на русские эквиваленты) в речи носителей среднего и старшего поколений, поскольку лексика закономерно является наиболее лабильным уровнем языковой системы. Как указывает Н. З. Гаджиева, «постоянный контакт носителей тюркских языков с русскими также способствовал развитию союзных средств (ср. татарский язык)». Также отмечается, что «все заимствования в тюркских языках в плане словообразования и словоизменения, как правило, подчиняются внутренним законам тюркских языков» (Гаджиева, 1997: 33).

Наше исследование подтвердило данный тезис – лексические заимствования из русского языка в телеутский сопровождаются морфологическим оформлением, традиционным для тюркских языков. Кроме того, практически повсеместно используется SVO-модель предложения вместо традиционной SOV, что можно также объяснить влиянием русского языка. В рамках текущего проекта анализировалась главным образом телеутская речь, поэтому можно сделать предварительные выводы о влиянии русского языка на телеутский. Однако не исключено и обратное влияние – телеутского на русский – в речи активных носителей языка среднего и старшего поколений, что видится перспективным направлением исследования телеутско-русского билингвизма на современном этапе.

Можно выделить два основных аспекта воздействия русского языка на телеутскую речь: 1) лексические заимствования, 2) синтаксическое влияние.

Основной словарный фонд телеутского языка составляет типично тюркская лексика с небольшой прослойкой из монгольских и тунгусо-маньчжурских слов, что, в принципе, характерно для южно-сибирских тюркских языков (Гаджиева, 1997). Начиная с XIX в. телеуты р. Бачат представляют собой, условно говоря, этноязыковой анклав в русскоязычной среде, что не могло не сказаться на словарном составе телеутского языка. Как показал анализ речи информаторов, из русского языка заимствуется в первую очередь лексика реалий – названия бытовых предметов, утвари, одежды, слова, относящиеся к социально-духовной сфере и др., пришедшие из русского языка и закрепившиеся в языковой картине мира телеутов.

Эта лексика, не будучи исконно телеутской, прочно вошла в речь телеутов и относится к устойчивым заимствованиям. Например: **названия построек и их частей:** *школ* ‘школа’, *агрет* ‘ограда’, *кантор* ‘контора, администрация’, *серква* ‘церковь’, *чулан* ‘стойка (для животных)’ < рус. *чулан* ‘кладовка’, *стене* ‘стена’, *лапка* ‘магазин’ < рус. *лавка*, *агарот* ‘огород’, *амбар* = рус., *пол* = рус. и т. д.; **название утвари, инструментов, предметов обихода и материалов:** *скала* ‘скалка’, *гребелка* ‘гребенка’, *пилка* ‘вилка’, *лошко* ‘ложка’, *саступ* ‘заступ, лопата’, *напалат* ‘полати, антресоли’, *прасле* ‘прялка’ < рус. *прясло* (?), *литонко* ‘литовка, коса’, *молоток* = рус., *карит* ‘корыто’, *чечке* ‘сечка’, *серенке* ‘спички’ < рус. диал. *серянки* ‘серные спички’, *печке* ‘печь’, *стол* ‘стол’, *табар* ‘материя’ < ‘товар’, *тоско* ‘доска’ и т. д.; **название блюд и одежды:** *алайы* ‘блины’ < рус. ‘оладьи’, *камнет* ‘конфеты’, *калачик* ‘сладкая сдоба круглой формы (род печенья)’, *пакле* ‘вафли’, *сакар* ‘сахар’, *лампасей* ‘монпасье (леденцы)’ (? < рус.

прост. лампасейки), *тесте* ‘тесто’, *тоброк* ‘творог’, *плаат* ‘платок’, *чулук* ‘чулки’, *сапок* ‘сапоги’, *штан* ‘штаны, брюки’, *картус* ‘картуз’, *патинке* ‘ботинки’, *шарабар* ‘брюки’, *купай(ка)* ‘ватник’, *пима* ‘валенки’ < рус. диал. *пимы* ‘валенки’ и т. д.; **названия лошадиной упряжи и снаряжения:** *кунут* ‘кнут’, *пожо* ‘вожжи’, *туга* ‘дуга’, *қомыт* ‘хомут’, *падкок* ‘подкова’, *шлейе* ‘шляя’ и т. д.; **фито- и зоофорная лексика:** *арыш* ‘рожь’, *картоко* ‘картофель’, *маркоп* ‘морковь’, *огурчын* ‘огурец’, *кабыста* ‘капуста’, *канепле* ‘конопля’, *тупка* ‘тыква’, *чоблѣнкѣ* ‘цыпленок’, *нарбийке* ‘воробей’, *клаапы* ‘клоп’, *кызынка* ‘кошка’, *тѣлнѣк* ‘теленок’ и т. д.

Отдельно можно выделить ряд единичных, но чрезвычайно устойчивых заимствований, таких как *крестен-* ‘креститься’ (в зн. ‘осенять себя крестным знаменем’), *креске тѣш-* ‘креститься’ (в зн. ‘принять христианство’), *крестѣ* ‘крещеный’, *неделе* ‘неделя’, *преме* ‘время’, *калкос* ‘колхоз’, *корот* ‘город’.

Также отмечается наличие семантических русско-телеутских дублетов, когда заимствованное русское слово вытеснило исконное или употребляется с ним наравне. Сюда можно включить такие пары слов, как *калбак* (иск.) ~ *лошко* ‘ложка’, *така* (иск.) ~ *паткок* ‘подкова’, *пиле* (иск.) ~ *семья*, *тура* (иск.) ~ *корот* ‘город’, *кендир* ~ *канепле* ‘конопля’, *маска* (иск.) ~ *молоток*, *чақ* (иск.) ~ *ѳй* (иск.) ~ *преме* ‘время’.

Последнее слово используется в телеутском языке в максимально широком, обобщенном значении. Например, в значении ‘эпоха, период’:

Јақшы јатқандар ол **премеде**, је анаң анда ол **премеде** пир килограмм аштың учун тѣрмее отырызатан.

Хорошо жили по тому времени, ну потом тогда, в то время, из-за одного килограмма зерна сажали в тюрьму. (ЧВН)

Анаң после этого уже јуу ѳнрѳп парып, ол **премеде** уже агаш ѳйлер полғон.

Потом после этого уже война прошла, в то время уже деревянные дома были. (ЯДХ)

А эмди пистин **премеде** уже алдылар астаппарган полғон.

А теперь, в наше время, уже зверей мало стало. (ТЕН)

Также оно используется в значении ‘отрезок, промежуток’:

Пу книгады кычырага тың кѳп **премя** керек.

(Чтобы) прочитать эту книгу, нужно много времени. (ТМГ)

У исконных же слов *чақ* и *ѳй* отмечается лишь значение ‘эпоха, период’:

Је, оно ол **чақта**, идти ылтам ла спасать эдеге керек.

И вот в это время нужно скорей выручать собаку. (ШВЕ)

Ол **чақта** калкос уже паштық пашқа кижі пол парған, и мен керек јѳк полғом калкоско.

В это время в колхозе уже председателем другой человек стал, и я был не нужен колхозу. (ЯДХ)

Озогыда, јѳбрен **ѳйдѳ** алтон тѣмен телеңет полтыр.

Давно, в древние времена, телеутов было 60 туменов. (ТМГ)

Приведенный пример иллюстрирует замену исконного слова русским заимствованием в силу его более широкой семантики, т. е. принцип языковой экономии. Отмеченные нами в речи информаторов слова *порсык* ‘барсук’, *қалаш* ‘хлеб’, *пелмен* ‘пельмени’ и *туман* русскими заимствованиями, очевидно, не являются, относясь к обще- и межтюркской лексике и будучи тюркизмами в русском языке.

Наряду с охарактеризованными словами мы отметили обилие русских слов и выражений, являющихся окказиональными в каждом идиолекте, например: *насок* ‘носок’, *блиналар* ‘блины’, *акотник* ‘охотник’ и т. д. К окказиональным можно отнести те слова, которые информатор называет по-русски, поскольку денотат является реалией, но которые не претерпели морфофонетических изменений, напр. *самолет*, *машина*, *пол*, *потолок* в противоположность полностью «освоенным» словам *картоко*, *лапке*, *стене* и др. Освоение любого лексического заимствования сопровождается закономерными фонетическими процессами в языке-реципиенте.

Как видно из примеров, в телеутском это:

1) оглушение звонких (*ложка* > *лошко*, *лавка* > *лапке*) и озвончение глухих (*кисонька* > *кызынка*, *капуста* > *кабыста*);

2) регулярные переходы по месту образования – [в] > [б~п] (в зависимости от фонетического окружения), [х] > [к] (*товар* > *табар*, *сахар* > *сакар*);

3) метатеза и диссимилиация (*тыква* > *тупка*, *конфеты* > *канпет*, *монасье* > *лампасей*);

4) стремление избежать звонкого анлаута (*ботинки* > *патинке*, *время* > *преме*, *вожжи* > *пожо*);

5) губной и небный сингармонизм (*чулок* > *чулук*, *стена* > *стене*, *тесто* > *тесте*) и реже – его нарушение (*корыто* > *карит*, *воробей* > *парбийке*, *вафли* > *пакле*);

6) стремление избежать стечения согласных в анлауте (для телеутского характерны V, VC, SVC, CV, VCC и CVCC-типы слога) (*кнут* > *кунут*).

Семантически наблюдаются переходы значения: *чулан* ‘кладовая’ > ‘загон для скота’. Парные существительные заимствуются как целое и не оформляются аффиксом множественного числа: *патинке* ‘ботинки’, *тима* ‘валенки’, *штан* ‘брюки’. Также числовые аффиксы могут отсутствовать у исчисляемых существительных в собирательном значении: *канпет* ‘конфета, конфеты’. Большинство прочих заимствований оформляются в соответствии с грамматическими нормами агглютинативного языка, присоединяя аффиксы числа и падежа, например: *подкок-тор-ды* албады ‘не взял подковы’.

Насыщение речи русскоязычной лексикой зависит от ряда факторов, среди которых главными являются: 1) степень владения родным языком; 2) лабильность переключения языковых кодов у билингвов (нередко принцип экономии языковых усилий приводит к почти полной «русификации» служебных слов, абстрактной лексики и пр.); 3) конвенционализацией русских лексических заимствований.

Как отмечалось выше, нередко случаи полного вытеснения телеутского названия денотата русским. Например, исконные телеутские слова *тиле* ‘семья’, *калбак* ‘ложка’, *кендир* ‘конопля’, *тура* ‘город’ практически перешли в разряд пассивной лексики на уровне не только отдельных идиолектов, но и языка в целом.

Другой пласт русизмов в телеутской лексике относится к служебным словам – союзам, предлогам, междометиям, частицам и др. Степень нормативности их употребления в телеутской речи определить затруднительно, но можно констатировать обилие русских союзов *тожо*, *потомушто*, *однака*, *точна*, *уже*, *и*, *все*, *а* и т. п., что также свидетельствует о возрастающем влиянии русского языка и деградации телеутского, особенно его сложных предложений. Например:

Je, качан ѓлапады, **допустим**, сеѓ ачаң-карындажың, пир бе **и так** далее. Туугандары уу-лып пар јат тўгезе, **знакомый**лары.

Абажыммынаң энежимди мен пилбей јам, **потому что** одыс јети јылда, кўскўде... **как раскулачивать** эт јат **вроде** одыс јети јылда, и аларды **как**... неге апарган, **ну, в Нарым или куда-то**.

Ну, когда умер, допустим, твой старший или младший брат, или кто-то. Родственники собираются все, знакомые. (ТНП)

Дедушку с бабушкой я не знаю, потому что в тридцать седьмом году, осенью как раскулачивали вроде в тридцать седьмом году, и их как... куда увезли, ну, в Нарым или куда-то. (ТНП)

Кроме того, влияние русского языка на телеутский синтаксис проявляется, как ранее отмечено, в распространении SVO-структуры предложения, а также свободном порядке членов предложения. Пример свободного порядка слов:

Јатқан пистиң јерде ѓч Кер-Сағал. Пай, пай кижилер полгон алар.

Анаң мен качан женился, иштегем мен чугун јолдо, девятый километрда.

Точназын пир де кизи пилбейјат. Но, оно ааньда айтјалар, что... А мен эзенјам, онолы алтайлардаң может полоґо.

Нени панимать этпегеникте, ол пойымның тилимынаң айтперетен писке.

Жили в нашей земле три Кер-Сағала. Богатыми, богатыми людьми были они. (ШКК)

Потом я, когда женился, работал на железной дороге, на девятом километре. (ТКИ)

В точности ни один человек не знает. Но, вот так говорят, что... А я думаю, что вот от тех алтайцев может быть. (ЧВН)

Если чего не понимали, он на своем языке говорил нам. (КАН)

Речь детей, большинство из которых изучают родной язык как иностранный в форме школьного факультатива, отличается еще большим искажением языковых норм. Можно предположить, что нормативность утрачивает не только морфология и синтаксис, но и фонетика детской речи, главным образом из-за отсутствия полноценной языковой среды. Экспериментально-фонетическое исследование детской речи,

по нашим прогнозам, также должно подтвердить воздействие фонологических и просодических характеристик русского языка на родную речь младшего поколения телеутов. Хотя введение уроков родного языка в школе д. Беково, несомненно, огромное достижение на фоне почти полного исчезновения миноритарных сибирских языков из школьных программ в местах компактного проживания этих народов.

В речи детей и подростков телеутов на родном языке (правда, нам удалось зафиксировать лишь очень короткие по времени фрагменты) наблюдается усечение падежных аффиксов, не имеющих четких соответствий в русском языке. Можно предположить, что изафет как характерная синтаксическая категория тюркских языков в современной детской речи телеутов «обедняется» до первого типа, основанного на примыкании и лишённого каких-либо формантов. Примеры:

Меең эне Света, меең аба Петя. Мен јатјам Ар Байатта. Мен сүүпјам ойноорго волейбол
(норма: Меең эне-м Света, меең аба-м Петя. Мен Ар Байатта јатјам. Мен волейбол ойноорго сүүпјам).

Моя мама Света, мой папа Петя. Я живу в Челухоево. Я люблю играть в волейбол. (ЧА)

Глагол обладания/наличия *пар-* ставится после подлежащего, аналогично русскому «у меня **есть** ...», при его синтаксической норме в постпозиции. Примеры:

Меең пар энем Валентина. Ол иштеп јат администрация
(норма: Меең энем Валентина пар. Ол администрацияда иштеп јат).

У меня есть мама Валентина. Она работает в администрации. (БГ)

Меең эне Ирина.
Ол иштепјат продавец.
Меең тайнеш Саша.
Ол иштепјат пекарем.
Меең энеш Валя.
Ол иштепјат јок
(норма: Меең энем Ирина.
Ол продавец полып иштепјат.
Меең тайнежим Саша.
Ол пекарь полып иштепјат.
Меең энеш Валя.
Ол иштебей јат или Ааң ижи јок).

*Моя мама Ирина.
Она работает продавец.
Моя бабушка по матери Саша.
Она работает пекарем.
Моя бабушка по отцу Валя.
Она работает нет. (ЯК)*

Выводы:

1. «Телеутский язык» в данный момент является условным термином для обозначения языка автохтонного тюркского населения Беловского района Кемеровской области. В распространенных классификациях тюркских языков он отмечается в роли южного диалекта. При этом есть предпосылки рассматривать его как самостоятельный язык, для чего требуется больше эмпирического (полевого) материала с последующим анализом всех уровней языковой системы.

2. В настоящее время телеутский язык испытывает сильное влияние русского, главным образом в сфере лексики (заимствование названий реалий с их последующим фонеморфологическим оформлением в соответствии с нормами телеутского языка) и синтаксиса простого (переход к свободному порядку слов) и сложного (переход на русские союзы вместо исконных послеложных конструкций) предложений. Это подтверждает необходимость срочной и, возможно, более полной документации телеутского языка от носителей, относящихся к старшему поколению.

Список информантов

(БГ) – Баксарина Галина, 1999 г. р., дер. Челухоево.
(КАН) – Каргин Алексей Николаевич, 1940 г. р., с. Беково.
(ТЕН) – Тушманакова Евдокия Николаевна, 1946 г. р., с. Челухоево.
(ТКИ) – Токмашев Каний Иванович, 1949 г. р., г. Новокузнецк.

- (ТМГ) – Токмашев Михаил Георгиевич, 1941 г. р., г. Новокузнецк.
(ТНП) – Тыдыков Николай Прокопьевич, 1937 г. р., с. Челухоево.
(ЧА) – Челухоева Анжелика, 1999 г. р., дер. Беково.
(ЧВН) – Чештанова Валентина Николаевна, 1939 г. р., с. Челухоево.
(ШВЕ) – Шадеева Валентина Егоровна, 1943 г. р., с. Челухоево.
(ШКК) – Шадеева Клавдия Константиновна, 1933 г. р., с. Челухоево.
(ЯДХ) – Якучаков Даниил Харитонович, 1943 г. р., с. Челухоево.
(ЯК) – Ясаков Кирилл, 1999 г. р., дер. Беково.

Список литературы

- Johanson L. The History of Turkic // Lars Johanson & Éva Ágnes Csató (eds). The Turkic Languages. L., N.Y.: Routledge, 1998. Pp. 82–83.
- Бабенко И. И., Орлова О. В. Перспективы исследования миноритарных дискурсивных практик в региональной лингвистике и лингвокультурологии // Томский журн. лингв. и антроп. иссл.-й. 2013. Вып. 1 (1). С. 75–77.
- Байыр-оол А. В., Добринина А. А., Озонова А. А., Тазранова А. Р., Тютнешева Е. В., Федина Н. Н., Шагдурова О. Ю., Широбокова Н. Н. Материалы к сравнительному словарю глагольной лексики тюркских языков Саяно-Алтая. Новосибирск: Омега Принт, 2013. 176 с.
- Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков // Изв. АН СССР. Отд-е лит. и яз. М., 1952. Т. XI. Вып. 2. С. 121–134.
- Гаджиева Н. З. Тюркские языки // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997. С. 17–34.
- Насилов Д. М. Телеутов язык // Языки народов России: Красная книга. М.: Academia, 2002. С. 177–180.
- Токмашев Д. М. Заметки по лексике бачатско-телеутского языка // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири: материалы междунар. науч.-практ. конф. Новокузнецк: КузГПА, 2008. С. 147–152.
- Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.
- Фисакова Г. Г. Изучение языка бачатских телеутов // Языки народов Сибири. Кемерово, 1979. Вып. 3. С. 235–239.
- Щербак А. М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб.: Наука, 1994. 192 с.

Токмашев Д. М., кандидат филологических наук, доцент.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: kogutei@yandex.ru

Федотова Н. Л., кандидат филологических наук, доцент.

Кузбасский государственный технический университет.

Ул. Весенняя, 28, Кемерово, Россия, 650000.

E-mail: nadia.krass@gmail.com

Материал поступил в редакцию 9.10.2014.

Tokmashev D. M., Fedotova N. L.

ON SOCIOLINGUISTIC FEATURES OF TELEUT LANGUAGE (BASED ON 2013–2014 FIELD STUDIES)

The article characterizes the current state of the Teleut language, which belongs to the minority Turkic languages of Siberia. An analysis of the position of the Teleut language in existing classifications of Turkic languages is given. Fieldtrip linguistic data on Teleut collected by the authors in 2013–2014 allow to make certain conclusions about the extent of language preservation within different age groups as well as the main language use spheres. There is a significant influence of the Russian language expressing in a large number of loanwords displacing native Turkic words. Also the syntactic rules of Teleut are often being neglected as a result of Russian language impact.

“The Teleut language” at the moment is a conditional term for the language of the indigenous Turkic population of Belovo district in Kemerovo region, South Siberia, Russia. In common Turkic languages classifications it is often referred to as a southern dialect of the Altai language. However, there are prerequisites to consider it as a separate language. Despite the genetic links Teleut language has with other Southern Altai dialects, forming together a national literary Altai language, Teleut has a clearly defined geographical location, which does not border on the Altai language area. It is also spoken by a separate and united ethnolinguistic community and has a separate writing and orthography, different from Altai literary language, which is of course still disputable since there are no stable literary rules for modern written Teleut. This allows us to consider the existence of a linguistic cluster comprising Altai and Teleut languages. However this thesis requires more empirical Teleut fieldtrip material with the subsequent analysis of all levels of the language system.

Currently Teleut is strongly influenced by Russian, mainly its lexicon and also simple, complex and compound sentence syntax. It's typical for Russian loanwords in Teleut to undergo morphological and phonological adaptations in accordance with the rules of Teleut language. Syntactically Teleut sentences tend to follow the SVO pattern instead of placing the finite predicate in the absolute end of clause. Complex and compound sentences have become excessively rich in Russian loan conjunctions which are broadly used in favor of traditional Teleut postpositions normally linking the clauses in Turkic languages. These changes underscore the urgent need for documentation and further analysis of the Teleut language.

Key words: *Teleut language, Turkic languages of Siberia, idioms, language cluster, language bilateral influence, borrowing, the "language or dialect" problem.*

References

- Johanson L. The History of Turkic. Lars Johanson & Éva Ágnes Csató (eds). *The Turkic Languages*. L., N.Y., Routledge, 1998. Pp. 82–83.
- Babenko I. I., Orlova O. V. Perspektivy issledovaniya minoritarnykh diskursivnykh praktik v regional'noy lingvistike i lingvokul'turologii [Propects of studying the minority discursive practices in regional linguistics and lore]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2013, no. 1 (1), pp. 75–77 (in Russian).
- Bajyr-ool A. V., Dobrinina A. A., Ozonova A. A., Tazranova A. R., Tyuntesheva E. V., Fedina N. N., Shagdurova O. Yu., Shirobokova N. N. *Materialy k sravnitel'nomu slovaryu glagol'noy leksiki tyurkskikh yazykov Sayano-Altaya* [Materials for comparative dictionary of verbal lexicon of Turkic languages of Sayan-Altai]. Novosibirsk, Omega Print Publ., 2013. 176 p. (in Russian).
- Baskakov N. A. K voprosu o klassifikatsii tyurkskikh yazykov [Towards classification of Turkic languages]. *Bulletin of Academy of Sciences of SSSR. Literature and Languages*, 1952, vol. XI, iss. 2, pp. 121–134 (in Russian).
- Gadzhieva N. Z. Tyurkskie yazyki [Turkic languages]. In: *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki* [Languages of the world]. Moscow, 1997. Pp. 17–34 (in Russian).
- Nasilov D. M. Teleutov yazyk [Teleut language]. In: *Yazyki narodov Rossii: Krasnaya kniga* [Languages of the people of Russia: Red Book]. Moscow, Akademia Publ., 2002. Pp. 177–180 (in Russian).
- Tokmashev D. M. Zametki po leksike bachatsko-teleutskogo yazyka [Notes on the lexicon of Bachat-Teleut]. In: *Istoriko-kul'turnoe vzaimodeystvie narodov Sibiri: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakt. konf.* [Historical-cultural interaction of the people of Siberia: Conference Proceedings]. Novokuznetsk, KuzGPA Publ., 2008. Pp. 147–152 (in Russian).
- Umanskiy A. P. *Teleuty i russkie v XVII–XVIII vv.* [Teleuts and Russians in XVII–XVIII centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980. 296 p. (in Russian).
- Fisakova G. G. Izuchenie yazyka bachatskikh teleutov [Studies in Bachat Teleut language]. In: *Yazyki narodov Sibiri* [Languages of the people of Siberia]. Kemerovo, 1979. Iss. 3. Pp. 235–239 (in Russian).
- Shcherbak A. M. *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie tyurkskikh yazykov* [Introduction to comparative studies of Turkic languages]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 192 p. (in Russian).

Tokmashev D. M.
National Research Tomsk Polytechnic University.
Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.
E-mail: kogutei@yandex.ru

Fedotova N. L.
Kuzbass State Technical University.
Ul. Vesennyaya, 28, Kemerovo, Russia, 650000.
E-mail: nadia.krass@gmail.com